

12+

Алексей Веспер

*Ключи
от тишины*

Алексей Веспер
Ключи от тишины

«Издательские решения»

Веспер А.

Ключи от тишины / А. Веспер — «Издательские решения»,

Успешная, преуспевающая, опустошенная. Элина — креативный директор в модном агентстве, обладательница стильного лофта и амбициозного жениха. Ее жизнь — это гонка на грани выгорания, где нет места тишине. Однажды ее тело и разум отказываются подчиняться: паническая атака настигает ее посреди супермаркета, став точкой невозврата. Побег — это только начало. Бросив все, Элина уезжает в глухую деревню, в заброшенный дом своей бабушки.

© Веспер А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Приступ	6
Глава 2. Бегство	9
Глава 3. Чужая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ключи от тишины

Алексей Веспер

© Алексей Веспер, 2026

ISBN 978-5-0070-0971-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ключи от тишины.

Роман о том, как иногда нужно потерять все,
чтобы найти себя.

Глава 1. Приступ

Смерть пришла за ней в отдел молочной продукции супермаркета «Ашан» у метро «Прспект Мира». Не настоящая, конечно. Та приходила

бы тихо и безболезненно. Эта была шумной, беспощадной и абсолютно иррациональной.

Элина стояла перед бесконечным рядом йогуртов, и мир медленно расплывался у нее перед глазами. Яркие огни люминесцентных ламп превращались в размытые пятна, кричащие ценники теряли смысл, а приторно-мелодичный джингл из динамиков тонул в нарастающем гуле в ее собственных ушах. Это был гул паники, чистый

и концентрированный.

Сначала сдавило горло. Потом сердце — не заболело, а просто принялось бешено колотиться, словно пытаюсь вырваться из грудной клетки, трепыхаясь,

как пойманная птица. Ладони вспотели так, что смартфон выскользнул из пальцев и с глухим стуком упал

на кафельный пол. Она не стала его поднимать.

Она схватилась за холодную ручку стеклянной витрины, пытаясь устоять на ногах. Ноги стали ватными, земля уходила из под них.

«Инфаркт, — пронеслось в голове, единственная ясная мысль в хаосе. — Сейчас будет инфаркт. В тридцать два года. Посреди „Ашана“. И все. Карьера, планы, ипотека, свадьба... все это оборвется здесь, между полками с творожками и кефирами».

Она сделала судорожный, прерывистый вдох,

но воздуха катастрофически не хватало. Легкие отказывались расширяться, словно их сдавили стальные обручи. В висках стучало. Это был не просто стресс.

Это был крик. Крик ее измотанной души, ее сломленной нервной системы, ее истощенного тела, которое больше не могло и не хотело подчиняться.

— Девушка, вы чего? — чей то испуганный голос донесся до нее сквозь вой в ушах. — Вам плохо?

Элина не могла ответить. Она лишь качнулась

и, спиной скользнув по стеклу витрины, медленно осела на пол. На холодный, липкий кафель. Уставилась в яркую лампу на потолке. Кто-то поднял ее телефон. Кто-то звонил в скорую. Кто-то звонил Артему.

Позже, в машине, уже на пути домой, Артем сжимал руль так, что его костяшки побелели. — Позор, — сквозь зубы прошипел он, не глядя

на нее. — Истеричка. У всех стресс, Линка. У Сергея Петровича язва открылась на прошлой неделе, так он даже не пискнул. А ты... а «Ашане»! Боже, как это выглядело со стороны!

Она молча смотрела в окно на мелькающие огни. Его слова не ранили. Они были словно шум из другого измерения. Она все еще чувствовала ту самую, леденящую пустоту внутри. Пустоту, которая была куда страшнее паники.

Ночь она провела без сна. Лежала в их просторной, стильной спальне в лофте в Хамовниках, купленном в ипотеку на двадцать лет, и слушала.

За герметичными стеклопакетами гудел город. Вечный, ненасытный зверь. Гудение магистрали, сирены, приглушенные громкие голоса — этот шум стал саундтреком ее жизни. Успешной жизни.

Креативный директор в ведущем digital-агентстве. Ипотечная квартира в центре. Красивый, амбициозный жених. Идиллия, собранная по каталогу глянцевого журнала.

Почему же тогда она чувствовала себя такой опустошенной? Как красивая, отполированная волнами раковина, выброшенная на берег — снаружи безупречная,

а внутри — лишь эхо океана, в котором она когда то жила.

Утром, глядя на свое отражение в черном экране выключенного телефона — синяки под глазами, восковое лицо, — она набрала номер начальника.

— Сергей Петрович, мне нужно... время. Отпуск.

За свой счет.

— Элина, ты в своем уме? — его голос прозвучал

так, будто она сообщила о своем решении полететь

на Марс. — У нас через неделю стартует компания

для «Глобал-Ойл»! Пятнадцатого презентация! Без тебя

— никак!

Она закрыла глаза. Представила бесконечные ряды йогуртов, холод кафеля, свое сердце, готовое выпрыгнуть из груди.

— Сергей, я не справляюсь, — выдохнула она, и это прозвучало как признание в совершенном преступлении. На другом конце провода повисло тяжелое молчание.

— Две недели, — наконец отрубил он. — Ни днем больше. И держи телефон на связи. Выключать

его нельзя. Поняла?

— Поняла.

Она положила трубку и опустила голову на руки. Две недели. Четырнадцать дней, чтобы... Чтобы что? Чтобы «прийти в себя»? А куда ей приходиться? Туда,

где она снова будет загонять себя до полуобморочного состояния?

Ее взгляд упал на комод. Верхний ящик

был приоткрыт. Там, среди бумаг, лежал старый пожелтевший конверт. Она потянулась и вытащила

его. Конверт пришел полгода назад, после смерти бабушки Агафьи, ее последней родственницы. Внутри была связка ключей — тяжелых, чугунных, несовременных — и распечатка с картой, где было обведено кружком название деревни: «Подосинки». Старый дом в глухой деревне. Она собиралась его продать, но вечно не было времени. Всегда было «некогда».

Теперь у нее не было ничего, кроме этого самого времени.

Она встала, подошла к шкафу-купе и потянула

за ручку. Внутри висели ее «доспехи» — дорогие костюмы, блузки, платья. Она провела рукой по шерстяной ткани. Потом резко дернула плечики с несколькими вещами

и бросила их в чемодан, стоявший открытым на кровати. Джинсы, футболки, свитер. Ничего из ее прошлой жизни.

Артем застал ее за этим занятием. Он стоял

в дверях спальни, свежий, бритый, в идеально отглаженной рубашке, его лицо выражало неподдельное изумление.

— Ты серьезно? — спросил он, не веря своим глазам. — Собираешь чемодан? В какую-то... дыру? Одна?

— Мне нужно побыть одной, — ответила она,

не глядя на него, продолжая складывать вещи.

— Надолго?

— Не знаю.

Он покачал головой, его изумление сменилось снисходительной, почти отеческой жалостью.

Он подошел, взял ее за плечи и заставил посмотреть

на себя.

— Лиенок, послушай меня. У тебя кризис. С каждым бывает. Но бегство — не выход. Побудешь там пару дней, надышишься этим... коровьим навозом, наошарашись по уши, и хватит. Позвони когда очухаешься. Я вышлю

за тобой машину.

Он так и не понял. Она не убегала. Она бежала

к чему-то. Сама не зная к чему. К тишине? К покою?

К тому дому из детских воспоминаний, который виделся ей лишь смутным пятном света в кромешной тьме

ее нынешней жизни.

Она молча кивнула, зная, что спорить бесполезно. Он поцеловал ее в лоб, как больного ребенка, и ушел

на работу. Словно ничего не произошло.

Когда дверь за ним закрылась, Элина остановилась посреди комнаты. Чемодан стоял на полу, наполовину пустой. Она подошла к окну. Внизу, на двадцать этажей ниже кипела жизнь. Машины, люди, движение. Ее мир. Мир, который она так яростно строила и который теперь вызывал у нее лишь приступ клаустрофобии.

Глава 2. Бегство

Таксист согласился ехать в Подосинки только

за двойную цену и с условием, что довезет до конца асфальта.

Дорога была похожа на путешествие в прошлое, причем чем дальше, тем в более дальние времена

они попадали. Шести полосная магистраль сменилась загородным шоссе, потом — разбитой бетонкой времен развитого социализма, от которой даже на хорошей подвеске подбрасывало к потолку. Последние километры — щебенка, оставляющая на бампере рыжие подтеки глины. И наконец — грунтовка, размытая недавними дождями, с глубокими колеями, в которых буксовали даже внедорожники.

Таксист, угрюмый мужчина лет пятидесяти

с лицом, на котором будто никогда не появлялась улыбка, всю дорогу молчал. Элина смотрела в окно. Сначала мелькали коттеджные поселки, потом унылые поля

с редкими перелесками, и наконец, началась настоящая, бесконечная русская глубинка. Деревушка по пять-десять домов, половина из которых казались заброшенными: покосившиеся избышки с заколоченными окнами,

как слепые глаза, смотрящие в пустоту.

— Вам куда конкретно? — хрипло спросил таксист, когда на горизонте показались первые, еще живые избы Подосинок.

— Деревня Подосинки. Дом Агафьи Беловой.

— Все дома тут Агафьины да Ивановы, — буркнул шофер, не оборачиваясь. — Какой номер?

Элина растерялась. Номер? Она посмотрела

на распечатку с картой. Никаких номеров там не было.

— Я... не знаю. Крайний, наверное. С краю от дороги.

Таксист фыркнул, но свернул на узкую улицу, утопающую в грязи. Деревня состояла из двух десятков разнообразных домов. Одни — почерневшие от времени старые срубы с резными наличниками, другие

— покрашенные в веселые цвета, с пластиковыми окнами

и спутниковыми тарелками. Посередине улицы стоял бревенчатый дом с вывеской «Продукты», на которой отсутствовало половина букв. У входа,

на завалинке, сидели на корточках три мужика

в засаленных куртках, попивая что-то из бутылки,

и с нескрываемым, животным любопытством проводили машину взглядом.

— Вон тот, крайний, — таксист ткнул грязным пальцем в сторону небольшого, почерневшего от времени и непогоды сруба под мшистой крышей. Крыша была вроде целая, но забор местами лежал на земле, образуя причудливые деревянные баррикады. — Беловой Агафьи. Она, значит, померла. К вам, выходит, перешел.

Он высадил ее у калитки, взял деньги, не глядя,

и, развернувшись на крошечном пяточке, укатил обратно, оставив ее одну посреди гулкой, давящей тишины, нарушаемой лишь пискотом тормозов и постепенно затихающим рокотом мотора.

Элина осталась стоять на краю дороги

с чемоданом в одной руке и связкой ключей в другой.

Она вздохнула полной грудью. Воздух был густой, влажный, пьянящий. Пахло мокрой землей, дымком

из печных труб и чем-то цветущим, сладковатым, чего она не могла опознать. Это был полный антипод московскому воздуху, пропитанному бензином, пылью и тревогой.

Она подняла чемодан и, с трудом переступая

по размокшей, вязкой земле, подошла к крыльцу.

Тот самый ключ из конверта, самый большой и ржавый,

с трудом, с громким, скрежещущим протестом повернулся в замке. Дверь подалась внутрь с тихим скрипом.

Дом встретил ее не просто запахом. Ее встретил целый коктейль ароматов — пыли, старого дерева, сушеных трав, развешанных пучками у печки, и... покоя. Таким древним, глубоким, осязаемым покоем,

что у Элины навернулись слезы. Она стояла в середине комнаты, не в силах пошевелиться, и просто дышала этим воздухом, впитывая эту тишину кожей.

Комната была просторной, но низкой. Большая русская печь, занимавшая добрую четверть пространства, казалась сердцем этого дома. Под потолком висел засиженный мухами плафон с одинокой лампочкой. Стол, покрытый выцветшей клеенкой, и два стула. На стене

— знаменитый ковер с оленями, выцветший от времени

до блеклых постельных тонов. На подоконнике

— засохшая герань в глиняном горшке, как немой укор забвению. Казалось, бабушка Агафья вышла минут

на пятнадцать — в магазин или за водой — и вот-вот должна вернуться, тряхнуть валенки о порог и спросить: «Ну что, внучка, чайку хочешь?»

Элина подошла к единственному в комнате окну

и с силой распахнула его. Снаружи донесся резкий, пронзительный крик — она вздрогнула, инстинктивно пригнувшись. Потом поняла — это кричала какая-то птица. Незнакомый, дикий, нецивилизованный звук. Он резал слух своей непривычностью.

Первая ночь стала для нее пыткой, куда более изощренной, чем паническая атака в «Ашане». Тишина здесь была не отсутствием шума, а самостоятельной, живой и, как показалось Элине, враждебной субстанцией. Она давила на уши, заставляя их ловить малейшие звуки

и преувеличивать их до невероятных масштабов. Скрип половиц под ее собственными шагами казался пушечным залпом. Шуршание за печкой — нашествием полчищ мышей. Где-то с полуночи за стеной принялся биться

о стекло мотылек — ровный, навязчивый, методичный стук, сводивший с ума. «Тук. Тук. Тук». Будто кто-то стучал по стеклу снаружи, пытаясь войти.

Она включила на телефоне запись — шум московского метро, который обычно помогал ей засыпать в поездках. Искусственный, шипящий гул, доносящийся из маленького динамика, лишь подчеркивал жуткую, тотальную реальность окружающей тишины. Это было похоже на попытку прикрыть Атлантический океан бумажным зонтиком.

Она пролежала до самого утра, уставившись

в потолок, чувствуя себя узником, брошенным в камеру-одиночку под названием «спокойствие». Ирония ситуации была горькой. Она сбежала от шума, но ее собственное нутро, ее разум, отравленный годами жизни в мегаполисе, отказывался принимать эту тишину. Оно требовало привычного гула, как наркоман — своей дозы.

Под утро, когда за окном посветлело, и птичий

хор стал оглушительным, она, наконец, провалилась

в короткий, тревожный сон. Ей снилось, что она тонет

в густой, вязкой тишине, которая затекает ей в рот, в нос,

в уши, и она не может крикнуть.

Она проснулась с одной ясной мыслью: это была ошибка. Большая, глупая, наивная ошибка.

Глава 3. Чужая

Утро началось с войны за быт. Вода. Туалет. Еда. Простые вещи, которые в городе решались поворотом крана и заказом доставки, здесь превратились в квест.

Вода. В доме не было ни крана, ни колодца

во дворе. Варвара, встретившая ее на крыльце соседнего дома с ухмылкой «Ну как, москвичка, понравилось?», махнула рукой в сторону улицы. «К колонке ступай.

С ведром».

Ведро нашлось в сарае — ржавое, эмалированное,

с отбитыми краями. Элина, чувствуя себя абсолютной идиоткой, в городских джинсах и кроссовках, отправилась в путь.

Колонка, как и магазин, оказались местом социального обитания. Возле нее, с ведрами

на коромыслах, стояли две женщины лет шестидесяти. Они примолкли, увидев Элину, и проводили

ее оценивающим, безразличным взглядом. Она была

для них чужой, диковинкой, инородным телом.

— Здравствуйте, — робко поздоровалась Элина.

— Здравствуй, милая, — бойко ответила одна, полная, с красным, веселым лицом. —

Ты к Агафье? Так она, царство ей небесное, померла.

— Я ее внучка.

— А-а-а! — женщины переглянулись. — Так ты москвичка, значит. На побывку?

— На... не знаю. Надолго.

Вторая женщина, худая, с цепким взглядом вороных глаз, покачала головой. — Тяжело тебе тут будет, голубушка. Одна-то. В городе, поди, удобства все. А тут... — она многозначительно посмотрела на Элины кроссовки, тонущие в грязи. — Тут выживать надо.

Элина набрала воды, с трудом открутив тугой, ржавый рычаг. Ведро оказалось невероятно тяжелым.

Она, пошатываясь, понесла его обратно, чувствуя,

как ледяная вода расплескивается на ее джинсы, насквозь промолив ноги. Женщины смотрели ей вслед,

и ей казалось, что она слышит их немой, беззвучный диалог: «Посмотрим, сколько выдержит. Неделю? Две?»

Туалет. Он оказался на улице, в конце огорода

— ветхий, покосившийся «скворечник», продуваемый всеми ветрами и пахнувший аммиаком. Первое посещение стало для Элины актом преодоления. Она стояла внутри, держась за скрипучую дверь, и плакала от унижения

и бессилия. Это был крах всех ее достижений, всех амбиций. Она, Элина, креативный директор, чьи идеи покупали за десятки тысяч долларов, теперь не могла нормально сходить в туалет.

Еда. Магазин. Она зашла внутрь, позвякивая

тем самым колокольчиком. Внутри было тесно

и полутемно. За прилавком сидела женщина с усталым лицом и вязала носки.

— Молоко есть? — Спросила Элина.

— В пакетах. Вон.

— Хлеб?

— Вон.

— Сыр? Колбаса?

Женщина молча ткнула пальцем в витрину,

где под потертым стеклом лежали несколько батонов колбасы странного розового цвета и куски сыра, обветренные по краям. Все выглядело несвежим

и неаппетитным. Элина купила пакет молока, хлеб и пачку печений. Это был ее обед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.